

Посвящается Эду Бреслину

...Com on wanre niht scriðan sceadugenga.

...Из серой ночи крадется живая тень.

*«Беовульф»,
англосаксонская эпическая поэма*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденном, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я, как правило, принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий». В упомянутых словарях приводятся написания, относящиеся приблизительно ко времени правления Альфреда Великого — 871–899 годам нашей эры, но даже это не решает проблемы. К примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и как «Хейлинсиге», и как «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

- Аклит* — епископство Окленд, графство Дарем
- Батум* (с ударением на первом слоге) — Бат, Эйвон
- Бebbанбург* — замок Бамбург, Нортумберленд
- Беррокскир* — Беркшир
- Виир* — река Веар
- Вилтун* — Уилтон, Уилтшир
- Вилтунскир* — Уилтшир
- Витанкестер* — Уинчестер, Хэмпшир
- Гируум* — Ярроу, графство Дарем
- Глевекестр* — Глостер, Глостершир
- Дефнаскир* — Девоншир
- Дифлин* — Дублин, Ирландия

Дорнваракестер — Дорчестер, Дорсетшир
Дунхолм — Дарем, графство Дарем
Кайр-Лигвалид — Карлайл, Камбрия
Камбреленд — Камбрия
Канкесестер — Честер-Ле-Стрит, графство Дарем
Кенет — река Кеннет
Кетрехт — Каттерик, Йоркшир
Контварабург — Кентербери, Кент
Линдисфарена — Линдисфарн (Холи-Айленд), Нортумберленд
Лунден — Лондон
Педредан — река Парретт
Редингум — Рединг, Беркшир
Синуит — форт Синуит близ Каннингтона, Сомерсет
Сиптанхамм — Чиппенем, Уилтшир
Скиребурнан — Шерборн, Дорсетшир
Снотенгахам — Ноттингем, Ноттингемшир
Страт-Клота — Стратклайд
Суз-Сеакса — Суссекс (южные саксы)
Суморсэт — Сомерсет
Сюннигтвайт — Суинитвейт, Йоркшир
Тайн — река Тайн
Темез — река Темза
Торнсэта — Дорсетшир
Треск — Тирск, Йоркшир
Твид — река Твид
Фифхэден — Файфилд, Уилтшир
Хайтабу — Хедебю, торговый город на юге Дании
Хамптонскир — Хэмшир
Хегостелдес — Хексем, Нортумберленд
Хеден — река Эден, Камбрия
Хорн — Хофн, Исландия
Хоччхайл — Хогхэлл, графство Дарем
Хрепандун — Рептон, Дербишир
Эксанкестер — Эксетер, Девоншир
Эофервик — Йорк (датский Йорвик)
Этайдун — Эдингтон, Уилтшир
Этелингаэг — Ателней, Сомерсет

Часть первая

КОРОЛЬ-РАБ

Я с нетерпением ждал прихода темноты. Стояла летняя ночь, и свет яркого месяца, то и дело выскальзывавшего из-за облаков, заставлял меня нервничать. Ибо мне была нужна темнота.

Я принес два кожаных мешка к небольшому хребту, который отмечал северную границу моего поместья. Да, моего поместья. Фифхэден — вот как оно называлось. Этими землями король Альфред вознаграждал меня за службу, которую я сослужил ему у Этандуна, где на длинном зеленом холме мы разбили армию датчан. То была славная схватка: «стена щитов» против «стены щитов», и тогда Альфред снова показал себя королем, и датчане были разбиты, а Уэссекс спасен. И, осмелюсь сказать, тогда я сражался лучше, чем большинство других воинов.

В той битве погибли моя возлюбленная и мой друг, а я сам получил удар копьем в правое бедро, и наградой за все это стал Фифхэден. «Пять Шкур» — вот что значило это название. Да уж, «Пять Шкур»! В моих новых владениях едва-едва могли сводить концы с концами четыре семьи рабов, которые пахали землю, пасли овец и ловили рыбу в реке Кенет.

Другие воины получили громадные поместья, а Церковь так и вовсе вознаградили богатыми лесными угодьями и пастбищами, полными сочной травы, мне же достались жалкие «Пять Шкур». Я ненавидел Альфреда, этого жалкого, набожного, скупого короля, который не доверял мне, потому что я не был христианином, потому что я был северянином, а заодно и потому, что я вернул ему его королевство в битве при Этандуне. И в награду за это он дал мне Фифхэден. Вот убудок!

Так вот, я принес два мешка к небольшому хребту, траву на котором ощипали овцы. Хребет усеивали огромные валуны; месяц, время от времени вырываясь из-за облаков, окрашивал их

сияющим белым цветом. Я присел на корточки рядом с одним из этих громадных камней, и Хильда опустилась рядом со мной на колени.

В ту пору Хильда была моей женщиной. Раньше она была монахиней в Сиппанхамме, но датчане взяли этот город и надругались над ней. Теперь она жила со мной. Иногда ночью я слышал, как она молится, и ее молитвы были полны слез и отчаяния. Я считал, что в конце концов Хильда вернется к своему Богу, но пока что она находила убежище в моих объятиях.

— Чего мы ждем? — спросила она.

Я приложил палец к губам, призывая к молчанию.

Хильда была красива: удлиненное лицо, большие глаза и золотистые волосы, спрятанные сейчас под обрывком шарфа. По моему разумению, она лишь зря теряла время, живя в монастыре. Альфред, конечно, хотел, чтобы молодая женщина туда вернулась. Вот почему я позволил ей остаться со мной. Чтобы позлить короля. Этого ублюдка!

Я выжидал, желая убедиться, что за нами никто не наблюдает. Вообще-то, вряд ли за нами кто-нибудь следил, потому что людям не нравится покидать дома́ ночью, когда по земле бродят порождения ужаса.

Хильда вцепилась в свой крест, но мне в темноте было хорошо и уютно. Еще в детстве я приучил себя любить ночь. Я был скедугенганом, Движущейся Тенью, одной из тех тварей, которых боятся люди.

Я ждал долго, но наконец убедился, что на низком хребте никого больше нет. Тогда я вытащил Осиное Жало, свой короткий меч, вырезал им квадратный кусок дерна и отложил в сторону. Затем выкопал яму, сыпав землю в свой плащ. Лезвие все время наткалось на мел и кремни, и я знал, что на Осином Жале останутся зазубрины, но продолжал копать, пока не сделал в земле углубление, достаточное, чтобы похоронить младенца.

Мы с Хильдой положили в эту яму два мешка. В них лежали мои сбережения — серебро и золото, и у меня не было ни малейшего желания оказаться похороненным вместе с ними. Я также владел «Пятью Шкурами», двумя мечами, кольчугой, щитом, шлемом, лошастью и красивой худощавой монахиней, но, поскольку у меня не было воинов, способных защитить мое имущество, со-

кровища пришлось спрятать. Я оставил себе только несколько серебряных монет, а остальное доверил земле, и мы засыпали захоронку, хорошенько утоптали землю, а потом вернули на место вырезанный кусок дерна.

Я подождал, пока месяц не выплывет из-за облака, потом осмотрел дерн: прекрасно, никто и не заподозрит, что здесь недавно потревожили землю. Я запомнил место, мысленно привязав его к расположенным неподалеку валунам. Однажды, когда у меня будет возможность защитить свои сокровища, я обязательно вернусь за ними.

Хильда пристально смотрела на «могилу», скрывшую мои сбережения.

— Альфред говорит, что ты должен оставаться здесь, — сказала она.

— Альфред может помочиться себе в глотку, — ответил я. — И надеюсь, этот ублюдок подавится и сохнет.

Вообще-то, ему вряд ли была суждена долгая жизнь, уж очень он был болезненный. Королю исполнилось всего двадцать девять, он был на восемь лет старше меня, но выглядел на все пятьдесят, и я сомневался, что этот человек протянет больше двух-трех лет. Альфред вечно жаловался на боли в животе, или бегал в сортир, или дрожал от лихорадки.

Хильда прикоснулась к дерну над закопанным сокровищем.

— Разве это не означает, что мы возвращаемся в Уэссекс? — спросила она.

— Это означает, что никто не путешествует среди врагов с полной мошной, — возразил я. — Здесь мои сокровища в безопасности, и если мы выживем, то рано или поздно выкопаем их. А если я погибну, ты сделаешь это одна.

Она ничего не ответила, и мы перенесли землю, насыпанную в мой плащ, к реке и бросили ее в воду.

Утром мы взяли лошадей и поехали на восток. Мы направлялись к Лундену, потому что именно там и начинались все дороги.

Меня вела моя судьба. То был год 878-й, мне сравнялся двадцать один год, и я верил, что меч поможет мне завоевать мир. Я был Утредом Беббанбургским, человеком, убившим Уббу Лотброксона в схватке у моря и выбившим из седла Свейна Белую

Лошадь в битве при Этандуне. Я был человеком, вернувшим Альфреду королевство, и я ненавидел короля. Именно поэтому я его покидал. Мой путь будет путем меча, и он обязательно приведет меня домой.

Я отправлюсь на север.

* * *

Лунден — самый огромный город на всем острове Британия, и я всегда любил его старинные дома и оживленные переулки, но мы с Хильдой прожили там только два дня, поселившись в саксонской таверне, что находилась в новой части города, к востоку от разрушающихся римских стен. Это место входило в состав Мерсии, и там стоял гарнизон датчан. Питейные заведения были полны чужеземцев, торговцев и капитанов судов. Купец по имени Торкильд предложил подвезти нас до Нортумбрии. Я сказал ему, что меня зовут Рагнарсон, и он наверняка не поверил, но задавать вопросов не стал.

Торкильд запросил с нас две серебряные монеты с условием, что я буду помогать грести. Я был саксом, но меня воспитали датчане, поэтому я говорил на датском языке, и купец принял меня за датчанина. Мой прекрасный шлем, кольчуга и два меча красноречиво свидетельствовали о том, что я воин, и Торкильд, должно быть, заподозрил во мне дезертира, бывшего солдата разбитой армии, но какое ему было до этого дело? Ему нужен был гребец.

Некоторые торговцы сажали на весла рабов, но Торкильд считал, что от рабов одни неприятности, и нанимал свободных людей.

Мы вышли во время отлива. Наше судно было набито свертками полотна, маслом из Франкии, бобровыми шкурами, прекрасно выделанной седельной кожей и множеством мешков с драгоценными тмином и горчицей. Едва оставив позади город и дельту Темеза, мы очутились в Восточной Англии, но почти не видели этого королевства, потому что в первую же ночь с моря накатил густой туман и продержался несколько дней.

Иной раз по утрам мы вообще не могли двигаться и, даже когда погода бывала сносной, не отдалялись от берега.

Я решил отправиться домой по воде, поскольку так было быстрее, чем странствовать по суше, но вместо этого мы миля за милю ползли в тумане, пробираясь сквозь илистые наносные берега, ручьи и предательские течения, которые кого угодно запутают. Каждую ночь мы останавливались, находя место, где можно было бросить якорь или пришвартоваться. Мы провели целую неделю в богом забытых болотах Восточной Англии, потому что доска носовой обшивки покоробилась и не удавалось достаточно быстро вычерпывать просачивающуюся внутрь воду. Так что нам пришлось вытащить судно на грязный берег и заняться ремонтом.

К тому времени, как корпус проконопатили и просмолили, погода переменилась: солнечные блики засверкали на море, над которым больше не висел туман. Мы принялись грести на север, по-прежнему останавливаясь каждую ночь.

По дороге нам встретилась дюжина других судов, все они были длиннее и уже судна Торкильда. То были датские военные корабли, следовавшие на север. Я решил, что это беглецы из побежденной армии Гутрума, которые направляются домой, в Данию, а может, во Фризию или еще куда-нибудь, где грабить легче, чем в Уэссексе, королевстве Альфреда.

Торкильд, высокий и мрачный человек, утверждал, что ему тридцать пять лет. Он заплетал свои седеющие волосы в длинные косы, которые свисали до пояса, и на руках его я не заметил браслетов — свидетельств воинской удачи.

— Я сроду не воевал, — признался он мне. — Меня воспитали торговцем, я всегда был торговцем, и мой сын тоже будет торговцем, когда я умру.

— Ты живешь в Эофервике? — спросил я.

— В Лундене. Но у меня есть склад в Эофервике. В этом месте можно купить хорошую овечью шерсть.

— Там все еще правит Риксиг? — спросил я.

— Риксиг умер два года тому назад. Теперь на троне человек по имени Эгберт, — покачал головой Торкильд.

— Когда я был ребенком, Эофервиком управлял король по имени Эгберт.

— Это его сын. А может, двоюродный брат? Как бы то ни было, он сакс.

— Так кто же на самом деле правит в Нортумбрии?

— Конечно мы, — ответил Торкильд, имея в виду датчан.

Датчане часто сажали послушных им саксов на троны захваченных государств, и Эгберт, кем бы он ни был, без сомнения, являлся таким карманным правителем, монархом на поводке. Он придавал датской оккупации видимость законности, но настоящим правителем являлся ярл Ивар, датчанин, владевший большинством земель вокруг города.

— Он Ивар Иварсон, — с оттенком гордости в голосе произнес Торкильд, — сын Ивара Лотброксона.

— Я знал этого человека, — отозвался я.

И хотя Торкильд вряд ли мне поверил, я тем не менее говорил правду. Ивар Лотброксон был бесстрашным воином, худым, как скелет, жестоким и наводящим повсюду ужас, но он был другом ярла Рагнара, который меня воспитал. Брата Ивара, Уббу Лотброксона, я убил в схватке у моря.

— Ивар — вот кто истинный правитель Нортумбрии, — заявил Торкильд, — но только не в долине реки Виир. Там правит Кьяртан. — Произнеся это имя, торговец прикоснулся к амулету в виде молота, висевшему у него на шее. — Теперь его зовут Кьяртан Жестокий, — продолжал он, — а его сын — так тот еще хуже.

— Свен, — угрюмо произнес я.

Я знал Кьяртана и Свена. Они были моими врагами.

— Свен Одноглазый, — скорчив гримасу, подтвердил Торкильд и снова прикоснулся к амулету, ибо боялся накликасть беду, произнося эти имена. — А к северу от них правит Эльфрик Беббанбургский.

Я знал и его. Этот самый Эльфрик Беббанбургский, приходившийся мне родным дядей, украл по праву принадлежащие мне земли, но я притворился, что последнее имя мне незнакомо.

— Эльфрик? — переспросил я. — Еще один сакс?

— Сакс, — кивнул Торкильд, — но его крепость слишком неприступна для нас. — И добавил, поясняя, почему правителю саксов разрешили остаться в Нортумбрии: — И он нам, признаться, нисколько не мешает.

— Друг датчан?

— Во всяком случае, не враг. Есть три великих владыки: Ивар, Кьяртан и Эльфрик. А вот за холмами, в Камбреленде? Никто не знает, что там творится.

Торквильд имел в виду западный берег Нортумбрии, выходящий к Ирландскому морю.

— Там, в Камбреленде, правил раньше великий датский вождь. Его звали Хардакнут, но я слышал, что его убили в какой-то сваре. А теперь? — Торговец пожал плечами. — Кто знает?

Итак, моей целью была Нортумбрия — королевство трех соперничающих правителей, ни один из которых меня не любил, мало того, двое из них желали моей смерти. Однако там был мой родной дом, и мне давно следовало взыскать долг, поэтому я следовал тропой меча.

То был долг кровной мести. Мести, планы которой я вынашивал вот уже пять лет, с того самого дня, как Кьяртан и его люди пришли ночью к дому ярла Рагнара. Они сожгли дом и убили всех, кто пытался спастись из пламени. Рагнар вырастил меня, я любил его, как родного отца, а его убийца до сих пор не отомщен. У Рагнара остался сын, тоже Рагнар. Мы с ним дружили, но Рагнар Младший никак не мог отомстить, ибо его сейчас держали в заложниках в Уэссексе. Поэтому я отправлюсь на север, найду Кьяртана и убью его. А заодно убью и его сына Свена Одноглазого, который взял в плен дочь Рагнара Старшего.

Жива ли Тайра? Я этого не знал. Но в любом случае я поклялся отомстить за смерть Рагнара Старшего. И вот сейчас, когда я плыл на корабле Торкильда, налегая на весла, мне иной раз казалось: я действую безрассудно, плывя домой, потому что Нортумбрия буквально кишит моими врагами. Но меня гнала сама судьба, и я испытал необычайное волнение, когда мы наконец вошли в широкое устье Хамбера.

Здесь ничего нельзя было разглядеть, кроме илистого берега, еле видного сквозь пелену дождя, кустов ивняка на отмелях, отмечающих спрятанные ручьи, да широких ковров водорослей и ряски на поверхности серой воды. Но то была река, которая вела в знакомую мне Нортумбрию, и я понял, что принял верное решение. Именно здесь был мой дом. Не в Уэссексе с его богатыми полями и спокойными холмами. Уэссекс был уже прирученным, запряженным в сбрую королем и Церковью, а тут в холодном северном воздухе носились вольные стаи птиц.

— Здесь ты и живешь? — спросила Хильда, когда мы подплыли поближе к берегу реки.

— Моя земля лежит дальше к северу. А это Мерсия, — показал я на южный берег. — А там — Нортумбрия, и тянется она вплоть до земель, где живут варвары.

— Варвары?

— Скотты, — ответил я и сплюнул через борт.

До нашествия датчан нашими главными врагами были скотты. Они даже совершали набеги на юг, через наши земли. Но затем на них, как и на нас, напали северяне, и теперь скотты уже не представляли собой прежней угрозы, хотя все еще были опасны.

Мы поднялись на веслах по реке Уз, и наши песни звучали в такт ударам весел, пока мы скользили под ивами и ольхами, мимо лугов и лесов. Теперь, когда мы оказались в Нортумбрии, Торкильд снял с носа своего корабля вырезанную из дерева песью голову, чтобы рычащая тварь не испугала духов этой земли.

Тем вечером, под чисто вымытым небом, мы приплыли в Эофервик — главный город Нортумбрии. Именно здесь некогда был убит мой отец и я осиротел, а затем встретил Рагнара Старшего, датчанина, который вырастил меня и любил как родного сына.

Я не греб, когда мы приблизились к городу, потому что весь день налегал на весла, и Торкильд меня сменил. Я стоял на носу, наблюдая, как туман ползет над городскими крышами.

А потом я посмотрел вниз, на реку, и увидел первый труп. Мальчик, лет десяти или одиннадцати от роду, голый, если не считать тряпки, повязанной вокруг бедер. У него было перерезано горло, но огромная рана не кровоточила, потому что ее начисто промыла вода реки Уз. Длинные волосы ребенка колыхались на воде, как водоросли.

Потом мы увидели еще два плывущих тела, после чего приблизились к Эофервику настолько, что разглядели городские укрепления. На них было слишком много людей — людей с копьями и щитами. Еще больше народу теснилось у речных причалов: мужчин в кольчугах, мужчин, осторожно наблюдающих за нами, мужчин с обнаженными мечами; и по приказу Торкильда мы подняли весла, и вода закапала с неподвижных лопастей.

Судно развернулось, подхваченное течением, и я услышал громкие вопли, раздававшиеся за городской стеной.

Ну что же, вот я и дома.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Торкильд позволил судну дрейфовать по течению сотню шагов, пока оно не уткнулось носом в берег рядом с ивой. Он выпрыгнул на сушу, привязал канат из кожи морского котика к ивовому стволу, а потом, бросив испуганный взгляд на вооруженных людей, наблюдающих за нами с высокого берега, торопливо взобрался обратно на борт.

— Ты, — указал он на меня, — выясни, что происходит.

— Да уж явно ничего хорошего, — ответил я. — Тебе нужны подробности?

— Мне нужно знать, что случилось с моим складом, — заявил Торкильд и кивнул в сторону вооруженных мужчин. — И я боюсь спрашивать об этом у них. Так что давай-ка выясни все это сам.

Он выбрал меня по двум причинам: во-первых, я был воином и, кроме того, если бы я погиб, он не стал бы горевать. Большинство его гребцов могли сражаться, но Торкильд всегда избегал драки по мере сил, потому что кровопролитие отнюдь не способствует торговле.

Теперь вооруженные люди шли вниз по берегу. Их было шестеро, но они приближались к нам как-то нерешительно, ведь у Торкильда на борту имелось вдвое больше людей, и все его гребцы были вооружены топорами и копьями.

Я натянул через голову кольчугу, достал сверкающий шлем с волчьей головой, который захватил на датском корабле близ берегов Уэльса, пристегнул Вздох Змея и Осиное Жало. Снарядившись таким образом для битвы, я неуклюже спрыгнул на берег.

И тут же поскользнулся на крутом берегу, схватился за крапиву, которая больно меня обожгла, и, ругаясь, взобрался вверх по тропе. Я бывал здесь раньше: именно на этом широком прибрежном пастбище когда-то сражался мой отец. Натянув шлем, я крикнул Торкильду, чтобы тот бросил мне щит. Он так и поступил, и я уже собирался направиться навстречу шестерым наблюдавшим за мной мужчинам с мечами, когда Хильда прыгнула следом за мной.

— Тебе следовало остаться на борту, — сказал я.

— Нет уж, я с тобой, — возразила она.

Хильда держала один из наших кожаных мешков, в котором едва ли было что-нибудь, кроме смены одежды, ножа да точильного камня.

— Кто это такие? — поинтересовалась она, кивнув в сторону шестерых вооруженных людей, которые стояли в пятидесяти шагах от нас и не спешили сократить это расстояние.

— Давай выясним, — ответил я и вытащил Вздох Змея.

Тени были длинными, дым городских печей казался пурпурным и золотым в тусклом свете сумерек. Грачи летели к гнездам, и вдалеке я видел коров, которых пастухи гнали домой.

Я направился к шестерым мужчинам. Я был в кольчуге, со щитом и двумя мечами, на руках браслеты, а на голове — дорогой шлем. Мой боевой вид подействовал угнетающе на незнакомцев, которые сбились в кучку и ждали, пока я подойду.

Все они обнажили мечи, но я заметил у двоих на шее кресты и заподозрил, что передо мной саксы.

— Когда человек приходит домой, — обратился я к ним по-английски, — он не ожидает, что его встретят с мечами в руках.

Двое из них были старше остальных, лет тридцати, оба в кольчугах, с густыми бородами. Остальные четверо, облаченные в кожаные доспехи, были помоложе, лет семнадцати-восемнадцати, не больше, и руки их явно не привыкли к оружию, как мои к рукояти плуга.

Должно быть, они решили, что я датчанин, потому что сошел с датского корабля. Наверное, они надеялись, что шестером смогут убить одного датчанина, хотя и понимали, что датчанин этот — воин в полном боевом облачении и, скорее всего, убьет по меньшей мере двоих из них, прежде чем умрет сам. Поэтому незнакомцы явно испытали облегчение, когда я обратился к ним по-английски. Но моя речь озадачила их.

— Ты кто такой? — поинтересовался один из тех, что постарше.

Я не ответил, просто продолжал шагать к ним. Надумай они сейчас на меня напасть, мне бы пришлось или бесславно бежать, или погибнуть, но я шел уверенно, низко держа щит и метя кончиком Вздоха Змея по высокой траве. Незнакомцы приняли мое

нежелание отвечать за высокомерие, хотя, по правде говоря, оно объяснялось замешательством. Я прикидывал, уж не назваться ли чужим именем, потому что не хотел, чтобы Кьяртан или мой дядя-предатель знали, что я вернулся в Нортумбрию. Но, с другой стороны, я уже успел прославиться как могущественный воин и теперь самонадеянно рассчитывал устроить их, назвав себя. Как же быть? И тут меня осенило.

— Я Стеапа из Дефнаскира, — объявил я.

И на тот случай, если имя Стеапы не было известно в Нортумбрии, прибавил хвастливо:

— Я тот, кто уложил Свейна Белую Лошадь в длинный земляной дом.

Человек, спросивший, как меня зовут, сделал несколько шагов назад.

— Ты Стеапа? Тот самый, что служит Альфреду?

— Да. Это я.

— Мой господин, — почтительно произнес он и опустил меч.

Один из юношей прикоснулся к висевшему у него на шее распятию и опустился на колено. Третий незнакомец вложил меч в ножны, и остальные, решив, что он поступил благоразумно, последовали его примеру.

— А вы кто? — требовательно спросил я.

— Мы служим королю Эгберту, — ответил второй тридцатилетний мужчина.

— А мертвецы откуда? Чьи это трупы? — поинтересовался я, показав в сторону реки, где, подхваченное течением, медленно проплывало еще одно обнаженное тело.

— Это датчане, мой господин.

— Вы убиваете датчан?

— Такова воля Господа, — произнес мужчина.

Я показал на судно Торкильда:

— Этот человек датчанин, но он друг. Вы и его убьете?

— Мы знаем Торкильда, мой господин, и, если он пришел с миром, мы его не тронем.

— А как насчет меня? Что вы сделаете со мной?

— Ты предстанешь перед королем, мой господин. И он окажет тебе почтение как великому истребителю датчан.

— Истребителю датчан? — пренебрежительно переспросил я, показав Вздохом Змея на троп, плывущий по течению.

— Он воздаст тебе за победу над Гутрумом, мой господин. Правда ли, что Гутрум побежден?

— Да, это правда. Я был там.

Потом я повернулся, вложил Вздох Змея в ножны и сделал знак Торкильд, который отвязал судно и стал грести вниз по течению. Я прокричал ему, что Эгберт Саксонский поднялся против датчан, но что здешние люди пообещали оставить купца в покое, если он пришел с миром.

— А что бы ты сделал на моем месте? — крикнул Торкильд в ответ.

Его люди тем временем гребли помаленьку, чтобы удержать судно на месте и не позволить реке снести его вниз.

— Иди по течению! — прокричал я по-датски. — Найди воин-датчан и жди до тех пор, пока толком не выяснишь, что происходит.

— А ты? — спросил он.

— Я остаюсь здесь, — ответил я.

Торкильд пошарил в кошельке и бросил что-то в мою сторону через разделявшую нас воду. Этот предмет блеснул в свете умирающего солнца, а потом исчез среди лютиков, которые расцветивали желтым темный луг.

— Это тебе за совет! — крикнул Торкильд. — И долгих тебе лет жизни, кем бы ты ни был!

Он повернул судно, которое неуклюже маневрировало, так как длина его корпуса почти совпадала с шириной реки Уз. Но купец все-таки ухитрился достаточно умело справиться, и весла понесли корабль вниз по течению, прочь из моей жизни.

Позже я выяснил, что склад Торкильда был разграблен и что однорукого датчанина, охранявшего этот склад, убили, а дочь его изнасиловали. Поэтому мой добрый совет вполне стоил той серебряной монеты, которую Торкильд мне бросил.

— Ты отослал его прочь? — возмущенно спросил один из бородачей.

— Я же сказал тебе: он друг.

Я наклонился и нашел в высокой траве шиллинг. После чего продолжил расспросы:

— Откуда ты знаешь о победе Альфреда?

— Приехал священник, мой господин, и рассказал нам об этом.

— Какой священник?

— Из Уэссекса, мой господин. Он явился из самого Уэссекса. Привез послание от короля Альфреда.

Мне следовало догадаться, что Альфред разошлет сообщения о своей победе над Гутрумом по всей саксонской Англии. И, как выяснилось, он послал священников во все места, где жили саксы, и клирики эти разнесли весть, что Уэссекс победил, что Бог и Его святые даровали саксам победу. Один такой священник был послан к королю Эгберту в Эофервик. Гонец добрался до города на день раньше меня, и сразу после его появления тут и начало твориться настоящее безумие.

Священник путешествовал верхом, его церковное одеяние сбилось в ком позади седла. В управляемой датчанами Мерсии он ехал от одного дома саксов к другому, и все они помогали ему в пути, каждый день давали свежих лошадей и сопровождали, объясняя, как избежать крупнейших датских гарнизонов, — и так было до тех пор, пока он не добрался до столицы Нортумбрии. Там он передал вдохновляющие новости королю Эгберту: восточные саксы победили Великую Армию датчан. Однако больше всего нортумбрийским саксам понравилось возмутительное, на мой взгляд, заявление, что святой Кутберт якобы явился Альфреду во сне и объяснил королю, как одержать победу. Предполагалось, что Альфред увидел этот сон унылой зимой на Этелингаэге, где горстка беглецов-саксов пряталась от победителей-датчан.

История о вешем сне пронзила сердца саксов Эгберта, словно охотничья стрела, ибо ни одного святого на севере не почитали больше Кутберта. Он был настоящим идиолом Нортумбрии, считался самым благочестивым христианином, когда-либо жившим на земле, и все набожные семейства саксов здесь каждый день молились именно ему.

Мысль о том, что самый прославленный святой Севера помог Уэссексу победить датчан, отшибла мозги королю Эгберту; и крупницы его здравого смысла разлетелись, словно куропатки, завидевшие жнецов.

Разумеется, король имел полное право радоваться победе Альфреда и, без сомнения, в душе негодовал, что ему приходится быть правителем, которого держат на поводке датчане. Но ему

следовало бы просто поблагодарить доставившего добрые вести священника, а потом, чтобы тот держал язык за зубами, запретить его, как собаку в конуре. Вместо этого король приказал Вульфферу, архиепископу Эофервикскому, отслужить благодарственный молебен в самой большой церкви города. Вульффер не был дураком. Он немедленно заболел лихорадкой и отбыл в деревню на лечение, однако нашелся глупец по имени отец Хротверд, который занял его место, и вскоре главная церковь Эофервика уже гудела от пламенной проповеди: священник вещал, что святой Кутберт сошел с небес, дабы привести восточных саксов к победе. Эта идиотская история убедила саксов Эофервика, что Бог и святой Кутберт собираются вернуть им их страну, отобрав ее у датчан.

И тогда начались убийства.

Все это я узнал, когда мы вошли в город. Еще я узнал, что в Эофервике было меньше сотни датских воинов, потому что остальные отправились под командованием ярла Ивара сразиться с армией скоттов, которые пересекли границу. На памяти живущих ныне людей такого вторжения еще не случалось, но у южных скоттов появился новый король, поклявшийся сделать Эофервик своей столицей. Словом, Ивар увел свою армию на север, чтобы преподать этому парню урок.

Ивар был истинным правителем Южной Нортумбрии. Если бы он захотел назваться королем, никто не смог бы помешать этому человеку, однако ему было удобнее иметь на троне уступчивого сакса, чтобы тот собирал налоги и держал в подчинении своих соплеменников. А сам Ивар тем временем занимался делом, которое его семье удавалось лучше всего: воевал. Он был из рода Лотброксонов, которые похвалялись тем, что еще никто из них не умирал в своей постели. Лотброксоны встречали свой последний час в сражениях, с мечами в руках. Отец Ивара и его родной дядя погибли в Ирландии, а Убба, третий из братьев Лотброксонов, пал от моего меча при Синуите.

Теперь же Ивар, последний воин-датчанин из этой одурманенной войной семьи, двинулся против скоттов. Он поклялся привести их короля в Эофервик в рабских цепях.

Лично я думал, что ни один сакс в здравом уме никогда не восстанет против Ивара, который считался таким же безжалост-

ным, каким был в свое время его отец, но победа Альфреда и слащавые рассказы о том, что ему якобы помогал сам святой Кутберт, распалили сердца жителей Эофервика, и ими овладело безумие.

А отец Хротверд всю подпитывал это пламя своими проповедями. Исступленно завывая, он уверял прихожан, что Бог, святой Кутберт и армия ангелов идут, чтобы выгнать датчан из Нортумбрии, и мое появление только подстегнуло всеобщее сумасшествие.

— Тебя послал сам Господь! — повторяли люди, провожавшие меня в город, и кричали всем встречным, что я убийца Свейна.

К тому времени, как мы добрались до дворца, меня и Хильду уже сопровождала небольшая толпа. Нас подталкивали вперед, ведя по узким улочкам, все еще запятнанным кровью датчан.

Я уже бывал во дворце Эофервика. То было здание, построенное еще римлянами из прекрасного светлого камня. Обширная колоннада поддерживала черепичную крышу, которую теперь залатали почерневшей соломой. Пол был выложен мозаичной плиткой, некогда изображавшей римских богов, но теперь многие плитки были выломаны, а оставшиеся засыпали тростником, заляпанным пролитой здесь вчера кровью. В большом зале воняло, как на скотобойне; там клубился дым от пылающих факелов, освещавших похожую на пещеру комнату.

Новый правитель Эгберт оказался племянником прежнего короля Эгберта. Лицом он смахивал на покойного дядю. Я обратил внимание, что у него такой же капризный рот. Когда король поднимался на помост, вид у него был испуганный, и неудивительно — безумный Хротверд вызвал своими проповедями настоящий ураган, и Эгберт, как пить дать, понимал, что датчане Ивара явятся сюда, чтобы отомстить.

Однако соратники Эгберта были охвачены волной эйфории и не сомневались, что победа Альфреда предрекает окончательное поражение северян. А мое появление они восприняли как еще один знак свыше.

Меня подтолкнули вперед и буквально прокричали весть о моем появлении королю, который выглядел сбитым с толку. Он еще больше смутился, когда знакомый мне голос воскликнул:

— Утред! Неужели это ты?

Я огляделся и увидел отца Виллибальда.

— Утред! — воскликнул он снова, с восторгом глядя на меня. Эгберт нахмурился, тоже посмотрел на меня, а затем устался на Виллибальда.

— Утред! — повторил священник, не обращая внимания на короля, и выступил вперед, чтобы меня обнять.

Отец Виллибальд был моим добрым другом и вообще хорошим человеком. Его, восточного сакса по происхождению, некогда назначили капелланом на флоте Альфреда, и теперь судьба распорядилась так, что именно отца Виллибальда послали на север, к саксам Нортумбрии, с добрыми вестями о победе при Этандуне.

Шум в зале утих. Эгберт решил властно заговорить со мной.

— Твое имя... — начал он. И замолчал, не зная, как меня зовут.

— Стеапа! — выкрикнул один из сопровождавших меня людей.

— Утред! — объявил Виллибальд, глаза которого горели от радостного возбуждения.

— Я Утред Беббанбургский, — сознался я, не в силах больше играть чужую роль.

— Тот самый, что убил Уббу Лотброксона! — заявил Виллибальд и попытался поднять мою правую руку, чтобы показать, какой я герой. — И тот самый, что свалил Свейна Белую Лошадь при Этандуне! — продолжил священник.

«Через два дня, — подумалось мне, — Кьяртан Жестокий будет знать, что я в Нортумбрии, а через три это известие дойдет и до моего дяди Эльфрика».

Имейся у меня хоть унция здравого смысла, я бы, проложив себе путь, мигом выбрался бы из этого зала, забрал Хильду и двинулся на юг так же быстро, как архиепископ Вульффер исчез из Зофервика.

— Ты сражался при Этандуне? — спросил меня Эгберт.

— Да, мой господин.

— Что там произошло?

Они уже слышали историю о битве от Виллибальда, но то была версия священника, разбухшая от молитв и чудес. Я же рассказал им то, что они хотели услышать: историю воина об убитых датчанах и о разящих мечах. И все время, пока я говорил, какой-

то взъерошенный священник со свирепыми глазами и буйной бородой перебивал меня, выкрикивая: «Аллилуйя!»

Я понял, что это отец Хротверд, тот самый, что вдохновил Эофервик на кровавую резню. Он был молод, едва ли старше меня, но обладал могучим голосом и врожденной властностью, которая придавала его пылу еще больше убежденности. Каждое его «аллилуйя» сопровождалось брызгами слюны, а стоило мне рассказать, как побежденные датчане бежали вниз по огромному склону Этандуна, и Хротверд прыгнул вперед, обращаясь к толпе.

— Это Утред! — прокричал он, тыча в мои обтянутые кольчужой ребра. — Утред из Нортумбрии, Утред Беббанбургский, убийца датчан, воин Бога, меч Господа! И он пришел сюда, к нам, так же как благословенный святой Кутберт явился к Альфреду, чтобы поддержать короля! Это знаки свыше!

Толпа разразилась приветственными криками, король выглядел испуганным, а Хротверд, всегда готовый к очередной неистовой проповеди, начал разглагольствовать, красноречиво уверяя присутствующих в том, что в скором времени все датчане в Нортумбрии будут мертвы.

Я ухитрился ускользнуть от Хротверда и пробраться к помосту, где схватил Виллибальда за шкурку и потащил к личным покоям короля.

— Ты идиот! — прорычал я ему. — Ты эрслинг!¹ Ты никчемное дерьмо, вот ты кто! Мне следовало бы вспороть твои бесполезные кишки прямо здесь, сейчас и скормить их свиньям!

Виллибальд изумленно разинул рот, потом беспомощно его закрыл.

— Датчане вскоре придут сюда, — пообещал я, — и начнется резня.

Он снова открыл и закрыл рот, но по-прежнему не издал ни звука.

— А теперь слушай меня внимательно, — велел я. — Ты немедленно пересечешь Уз и как можно быстрее отправишься на юг.

— Но я же говорил только правду, — умоляюще сказал священник. — Разве это неправда, что святой Кутберт даровал нам победу?

¹ Эрслинг — задница (староангл.). (Здесь и далее примеч. перев.)

— Конечно неправда! — прорычал я. — Альфред все выдумал. Неужели ты думаешь, что Кутберт явился к нему на Этелингаэге? Тогда почему король сразу не поведал всем о своем сне? Почему он ждал окончания битвы, чтобы рассказать нам об этом?

Я сделал паузу, а Виллибальд издал сдавленный звук, как будто его душили.

— Ясное дело почему, — сам ответил я на свой вопрос. — Да просто потому, что ничего подобного не происходило.

— Но...

— Он все выдумал! — взревел я. — А знаешь, с какой целью? Альфред хочет, чтобы нортумбрийцы были уверены: именно Уэссекс возглавляет борьбу с датчанами. Он надеется стать королем Нортумбрии, разве ты не понимаешь? И не только Нортумбрии. Я не сомневаюсь, что он отправил еще одного дурака вроде тебя в Мерсию и тот сейчас рассказывает мерсийцам, что один из их чертовых святых явился ему во сне.

— Но ведь именно так все вправду и было, — перебил меня священник.

Я ошеломленно посмотрел на него, и Виллибальд объяснил:

— Ты прав! Святой Кутберт говорил с Альфредом на Этелингаэге. Он явился к нему во сне и сказал нашему королю, что тот победит.

— Разумеется, на самом деле никто ему не являлся, — как можно терпеливее пояснил я.

— Но это правда! — настаивал Виллибальд. — Альфред сам мне рассказал! Это Божье деяние, Утред, и сколь удивительно его созерцать.

Я взял священника за плечи и прижал к стене коридора.

— У тебя нет выбора, святой отец, — проговорил я. — Ты можешь убраться из Эофервика до того, как сюда явятся датчане, а можешь наклонить голову набок.

— Что сделать? — в замешательстве переспросил он.

— Наклонить голову. И я буду стучать тебе по одному уху до тех пор, пока вся эта чушь не выльется из другого.

Это его не убедило. Ибо слава Господня, воспламененная кровопролитием у Этандуна и раздутая ложью про святого Кутберта, по его мнению, озаряла Нортумбрию, и бедный Виллибальд искренне верил, что грядут великие события.

* * *

В ту ночь был задан пир — жалкая трапеза из сельди, сыра, черствого хлеба и выдохшегося эля. Отец Хротверд разразился очередной страстной речью, в которой заявил, что Альфред Уэссекский послал меня, величайшего воина, чтобы возглавить защиту города, и что небесный фирд спустится на защиту Эофервика. Виллибальд продолжал выкрикивать: «Аллилуйя!» — свято веря во всю эту чепуху, и только на следующий день, когда город накрыло пеленой серого дождя и зловещего тумана, мой друг начал сомневаться в скором появлении ангелов с мечами.

Люди покидали город. Ходили слухи, что к северу собираются военные отряды датчан. Хротверд все еще выкрикивал всякую чушь. Он даже возглавил процессию священников и монахов, которые шли по улицам города, воздев мощи и хоругви. Но всякий, у кого имелась хоть капля здравого смысла, понимал теперь, что Ивар, вероятно, вернется задолго до того, как святой Кутберт явится сюда с небесным сонмом.

Эгберт прислал ко мне гонца, который передал, что король хочет со мной говорить, но я решил не терять времени на беседу с обреченным правителем. Пусть король изворачивается сам.

Ну а мне предстояло подумать о собственной судьбе. Сейчас главное — это оказаться подальше от города, прежде чем на него обрушится ярость Ивара. И в таверне «Скрещенные мечи», недалеко от городских ворот, судьба послала мне спасение, которое я искал. Оно пришло ко мне в лице датчанина по имени Болти. Он выжил во время резни, потому что был женат на саксонке и родственники жены спрятали его. Увидев меня в таверне, он спросил, не Утред ли я Биббанбургский.

— Он самый, — кивнул я.

Болти сел напротив меня, уважительно склонил голову в сторону Хильды, потом щелкнул пальцами, подзывая служанку, чтобы та подала эля. Я рассмотрел Болти: тучный, лысый, рябое лицо, сломанный нос и испуганные глаза. Двое его сыновей, оба наполовину саксы, маячили у отца за спиной. Одному, по моим прикидкам, было около двадцати, другой лет на пять помладше, и оба они носили мечи, хотя совершенно не походили на воинов.

— Я знал ярла Рагнара Старшего, — произнес Болти.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЕЛИН СЕВЕРА

Географические названия	9
Часть первая. КОРОЛЬ-РАБ	11
Часть вторая. КРАСНЫЙ КОРАБЛЬ	157
Часть третья. ДВИЖУЩАЯСЯ ТЕНЬ	257
Историческая справка	358

ПЕСНЬ МЕЧА

Географические названия	365
Пролог	367
Часть первая. МОСТ	379
Часть вторая. ГОРОД	469
Часть третья. НАКАЗАНИЕ	613
Историческая справка	700